

Политический кризис в Гамбии и операция «Восстановление демократии»

Шаг вперед, два шага назад

Поражение на президентских выборах в Гамбии правившего страной в течение последних 22 лет Яйи Джамме (Yahya Jammeh) стало главной сенсацией африканской политической жизни в 2016 г. В отличие от успеха на выборах в США Дональда Трампа, про это событие нельзя сказать, что оно опрокинуло все прогнозы экспертов, т.к. в данном случае даже никаких прогнозов никто не делал – настолько абсурдной казалась накануне голосования сама идея всерьез оценивать шансы довольно маргинальной гамбийской оппозиции на победу в борьбе с эксцентричным и одиозным хозяином президентского дворца, власть которого над страной представлялась абсолютно незыблемой. За долгие годы своего правления Джамме превратил процесс своего переизбрания в регулярный формальный ритуал с заранее предсказуемым результатом. В момент объявления предварительных итогов выборов за пределами страны о новом президенте Адаме Барроу было мало что известно, за исключением того, что этот предприниматель в сфере недвижимости, еще не так давно подрабатывавший охранником в лондонском супермаркете, является кандидатом оппозиционной коалиции, покинувшим для сплочения ее рядов пост казначея Объединенной демократической партии (ОДП).

Не меньшее удивление вызвала и последующая реакция президента Джамме, в тот же вечер признавшего поражение и поздравившего своего соперника с победой по телефону в прямом эфире национального телевидения. Однако спустя неделю, 9 декабря, политика гамбийского правителя вновь вернулась в привычное русло. Яйя Джамме внезапно изменил свое решение, заявив об отказе признать законность победы Барроу. Используя в качестве повода некоторую корректировку окончательных результатов выборов, не повлиявшую, как утверждают западные СМИ, на их общий исход, он объявил о намерении провести повторное голосование. 13 декабря его штаб опротестовал результаты выборов в Верховном суде Гамбии, который, однако, не мог собраться для разбора дела ввиду неуккомплектованности своего состава.

В свою очередь Барроу осудил маневры Джамме и пообещал вопреки им 19 января вступить в должность согласно графику. Реакция международного сообщества мало беспокоила Джамме, за два десятка лет своих радикальных экспериментов уже освоившего все необходимые базовые алгоритмы защиты от нападков из Лондона и Брюсселя. Однако неожиданно для себя он столкнулся с ситуацией, к которой, по всей видимости, не был готов. В игру – и отнюдь не на его стороне – решительно вступили Африканский союз и Экономическое сообщество стран Западной Африки (ЭКОВАС). Именно принципиальная позиция этой субрегиональной организации, объединяющей 15 государств, в т.ч. и Гамбию, оказалась решающим фактором краха режима Джамме. Инициативу в операции по его отстранению от власти взяли на себя Сенегал и Нигерия, выразив таким образом своеобразный символический консенсус англофонной и франкофонной фракций ЭКОВАС. При этом у обеих стран, разумеется, были и свои собственные причины добиваться смены власти в Гамбии.

Региональный и исторический контекст кризиса

Разрезающая Сенегал вглубь на 350 км Гамбия действительно способна создать для этого государства массу неудобств. В то же время тесная и опасная близость двух государств в случае наличия взаимной политической воли вполне может стать и залогом их успешного симбиоза, попытка которого – впрочем, не совсем удачная – была

предпринята в 1981 г. путем создания Конфедерации Сенегамбия. И хотя экономические противоречия и политические амбиции элит уже в 1989 г. привели ее к распаду, очевидно, что интеграция в той или иной форме – единственно возможное будущее этих двух государств. Впрочем, у Джамме, видимо, было на этот счет свое особое мнение. И прежде непростые отношения между двумя странами с его приходом к власти далее только портились, достигнув в последние годы состояния неприкрытой враждебности. Возглавив Сенегал в 2012 г., президент Маки Саль совершил свой первый зарубежный визит в ранге главы государства именно в Банжул, однако в дальнейшем все его попытки достичь «разрядки» привели скорее к прямо противоположным результатам. Вдобавок к традиционным обвинениям в контрабанде и реэкспорте через Гамбию сенегальских товаров и леса, предъявлявшимся еще правительству Дауды Джавара (1965-1994 гг.), предшественника Джамме, у Дакара накопился целый ряд других политических и экономических претензий к проблемному соседу – от поддержки боевиков в Казамансе до наркотрафика и регулярного транспортно-тарифного шантажа, используемого Джамме для давления на Сенегал. Ко всему прочему Джамме также стал обвинять правительство Маки Салю в поддержке оппозиции своему режиму. Впрочем, как показали действия Сенегала в ходе нынешнего кризиса, Джамме опасался своего одновременно северного и южного соседа не напрасно.

Что касается позиции Нигерии, то ее активная роль в данном конфликте, скорее, была обусловлена особым статусом государства-лидера ЭКОВАС, региональной державы, претендующей на право поддержания региональной безопасности, в т. ч. и улаживание конфликтов в «зоне ее влияния», особенно в тех странах региона, которые были некогда колониями Великобритании. В отличие от Сенегала, у Нигерии не было своих «собственных» причин желать свержения Джамме, что в частности проявилось в более умеренном и сдержанном тоне президента Мухаммаду Бухари.

Впрочем, редкая солидарность, с которой Джамме отдали «на растерзание» Сенегалу лидеры прочих стран ЭКОВАС, дает повод утверждать, что стремление к уважению хотя бы элементарных процедур выборной демократии мало-помалу приобрело в Западной Африке характер общепризнанной и даже принципиальной нормы. Прославившийся своими регулярными охотами на ведьм, причем как в переносном, так и в прямом смысле этого слова, Джамме изрядно компрометировал в общем уже довольно благопристойную репутацию ЭКОВАС, провоцировав тем самым у лидеров, входящих в сообщество стран, стойкое желание избавиться от него при первом же удобном случае.

Впрочем, часть наблюдателей считает, что падение одиозного Джамме – очередная лунка в либерально-демократическом гольфе Старой Европы, в очередной раз обеспечившей в Западной Африке переход власти к «правильному» кандидату от засидевшегося неугодного лидера.

Так или иначе, длившаяся более месяца челночная дипломатия посещавших Банжул президентов Ганы, Нигерии, Либерии, Сьерра-Леоне и Мавритании, надеявшихся все же убедить Джамме уйти по-хорошему, действия не возымела. Для обеих сторон конфликт стал своеобразным моментом истины и сложно сказать, чем бы все могло закончиться, если бы режим Джамме не стал сам разваливаться изнутри. Первым сигналом стало обращение к президенту 12 руководителей дипломатических представительств Гамбии за рубежом, призвавших его не препятствовать демократической смене власти и передать полномочия Барроу. В знак протеста против действий Джамме в первой половине января о своей отставке объявили вице-президент и пять министров правительства, в т.ч. покинувшая страну глава МИД Нене Макдуэлл-Гей. Силвики демонстрировали свою лояльность президенту, однако, когда 19 января дело дошло до вооруженной интервенции, армия Гамбии не оказала вошедшим на ее территорию сенегальским частям никакого сопротивления, а часть ее состава даже переходила на сторону группировки ЭКОВАС.

Разумеется, ошибкой было бы думать, что у Джамме в момент кризиса совсем не оказалось сторонников, готовых защищать его власть. Однако раскол правящего класса, проявившийся в критический момент, деморализовал остатки верных режиму сил и, напротив, укрепил мотивацию и консолидировал альянс его внутренних и внешних противников, создав такую ситуацию, в которой они могли легитимно, смело и беспрепятственно идти на обострение.

«Диктатура развития»

При всей своей скандальной экстравагантности у режима Джамме были и свои достижения, не позволяющие назвать его правление совсем уж бесполезным. Прежде всего, это успехи социальной политики: открытие первого в стране университета (1999 г.), бесплатное начальное (1998 г.), а затем и среднее (2015 г.) школьное образование (накануне последних выборов президент обещал также, что с 2018 г. граждане смогут бесплатно учиться и в университете), развитие системы национального здравоохранения, право на получение бесплатных медицинских услуг беременных женщинам и детям до пяти лет, запрет на проведение женских обрезаний (2015 г.) и ранних барков (2016 г., согласно данным ЮНИСЕФ, почти половина гамбийских девушек вступает в брак до достижения 18 лет). В конце 2014 г. Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций (ФАО) подтвердила достижение Гамбией победы над голодом – одной из утвержденных ООН целей развития тысячелетия.

В то же время, по данным Международной организации по миграции (МОМ), Гамбия является одной из стран-лидеров по числу нелегальных мигрантов, прибывающих в Европу. Главной причиной, толкающей ее жителей к выезду за границу, признается безработица среди молодежи, по оценкам Программы ООН по развитию, приближающаяся к 40%. В то же время достоверность этой оценки МОМ при серьезном анализе вызывает определенные сомнения. Все население Гамбии не достигает и 2 млн чел. В то же время поскольку границы страны практически не охраняются, а по обе их стороны живут одни и те же народы, реальное происхождение африканцев, прибывающих в Европу из этого района, установить нелегко. Экономика Гамбии в последние годы развивалась крайне неровно, следуя за флуктуациями потока туристов (доходы от этой отрасли составляют около 20% ВВП страны), при этом за самой страной прочно закрепилась репутация одного из центров женского секс-туризма. Программа «Вижн-2016», запущенная в 2013 г. с целью добиться за четыре года самообеспечения рисом, на импорт которого ежегодно уходило до 20 млн долл. США, оказалась не выполнена из-за недостатка удобрений и проблем в распределении земли между крестьянскими хозяйствами.

На этом в общем далеко не благоприятном фоне «диктатор развития», как с гордостью называл себя сам Джамме, продолжал оставаться в центре внимания благодаря своим резонансным внешнеполитическим кульбитам. Запад делал вид, что не замечает причуд диктатора до тех пор, пока тот не обвинил бывшую метрополию в неокOLONIALном диктате. Дело в том, что Лондон все более стал экономить на «помощи» маленькому африканскому государству. В то же время монархии Персидского залива, вдохновленные успехами в распространении своего влияния на Африку в ходе «арабской весны», посулили значительно большие бонусы. В 2013 г. Джамме демонстративно вышел из Содружества. В марте 2014 г. английский язык в статусе государственного неожиданно сменил арабский. В декабре 2015 г. Джамме провозгласил Гамбию исламской республикой, при этом обязавшись соблюдать права прочих конфессиональных общин. По неподтвержденным сообщениям, он начал переговоры об интенсификации сотрудничества с Китаем, включая военную область. Осведомленные источники сообщали о заинтересованности Пекина в аренде островов Читабонг, Даранка и Ламин.

Эта цепочка действий и слухов, возможно, стала окончательным приговором многолетнему безоблачному правлению Джамме.

Возвращение Джамме к политике признания единого Китая и откровенные заигрывания со странами Персидского залива не смогли спасти его режим. Запад сразу же и единогласно признал Барроу победителем выборов. 19 января 2017 г. после инаугурации Барроу, состоявшейся в итоге в посольстве Гамбии в Сенегале, Совет Безопасности ООН единогласно принял резолюцию, давшую зеленый свет началу военной операции группировки ЭКОВАС, в тот же вечер вошедших на территорию Гамбии. Уже спустя несколько часов после начала операции стало ясно, что режим Джамме обречен, и его ликвидация должна завершиться еще до конца недели.

Прибывшие на последние переговоры президенты Мавритании и Гвинеи все же убедили Джамме прекратить бессмысленное сопротивление и воспользоваться одним из предложений об убежище. Джамме покинул страну вечером 21 января, объявившись позже в Экваториальной Гвинее.

Что дальше?

Говоря о политическом конфликте в Африке, нельзя не затронуть тему преломления в нем межэтнических отношений. В данном случае этнический фактор занимал вторичное значение, но также благоволил Адаме Барроу. В отличие от Джамме, принадлежавшего к меньшинству диола, не превышающих в составе населения Гамбии 10%, избранный президент представляет наиболее значительную группу мандинка, по оценкам этнологов, составляющих более 40% от общего числа гамбийских граждан. Кроме того, родственники Барроу по материнской линии принадлежат к народу фульбе (пёль), давно известному своей экономической активностью во всем западноафриканском регионе. Помимо этнического происхождения, обращает на себя внимание еще один любопытный биографический штрих к портрету Барроу. Окончив в 1988 г. мусульманскую школу, он начинал свой трудовой путь в компании «Альхаджи Муса и сыновья», владелец которой Альхаджи Момоду Муса Нджай был тестем первого президента Гамбии Дауды Джавара. Произойдет ли в результате последних событий в Гамбии некая реставрация старой свергнутой элиты «первой республики», и увидим ли мы в скором времени ее возвращение во власть? Во всяком случае, определенная ротация правящей элиты непременно произойдет, хотя сам Барроу пока что уверяет, что настроен отнюдь не на кампанию по сведению счетов с людьми экс-президента, но, скорее, на примирение. Главным предвыборным обещанием нового президента, помимо общей демократизации режима, было создание коалиционного правительства демократической оппозиции и подготовка к досрочным президентским выборам, которые Барроу обязался провести по истечению трехлетнего переходного периода. По собственному признанию, новый президент испытывает гораздо больший интерес к бизнесу нежели к политике и не собирается надолго занимать президентский дворец. Западные СМИ активно проводят мысль, что Барроу может сыграть роль своеобразного «гамбийского Манделы» с той разницей, что в отличие от последнего, за ним стоит не массовое национально-освободительное движение, но ситуативно объединившаяся коалиция малых и пока что довольно слабых партий. То есть акцент здесь не на национальном освобождении, а на национальном примирении. Кстати, если планы вступившего в должность президента все же не изменятся, то, по-видимому, достаточно скоро должен начаться распад коалиции и перегруппировка сил для новых политических баталий. Первая и во многом определяющая схватка – выборы в Национальную ассамблею – запланирована уже на апрель этого года.

Другой важный вопрос – судьба дальнейших отношений Гамбии и Сенегала в изменившемся политическом контексте. Большинство политически активных граждан

Гамбии приветствовало ввод частей сенегальской армии в их страну, восприняв ее не как агрессию, но, напротив, как «акт африканской солидарности». Вместе с тем активная поддержка, оказанная во время кризиса сенегальскими властями, фактически расчистившими путь во власть Адаме Барроу, порождает разного рода домыслы о возможной прямой или косвенной зависимости нового президента от Дакара, несущей угрозу для экономического и политического суверенитета Гамбии. В этой связи полезно будет вспомнить, что прежде сенегальские войска уже вводились на территорию Гамбии в 1981 г. для подавления антиправительственного мятежа, организованного левыми радикалами. Политическим следствием оказанной военной помощи правительству Джавара тогда стало стремительное сближение двух государств и создание Конфедерации Сенегамбия. Сегодня ситуация отчасти напоминает 1981 г. Законно избранный на пост президента Барроу, тем не менее, оказался вынужден обращаться за поддержкой к соседним странам, армии которых в результате обеспечивают его власть. И хотя вскоре после отставки Джамме генштаб Гамбии признал в Барроу своего нового главнокомандующего, видимо, его доверие к сенегальским войскам по-прежнему остается несоизмеримо большим, чем к силовым структурам своей собственной страны. По официальной просьбе нового президента пребывание контингента ЭКОВАС в Гамбии продлено еще на шесть ближайших месяцев до полной стабилизации политической обстановки. Стремлением обезопасить себя от возможных неприятностей со стороны службы национальной разведки, выполнявшей в годы правления Джамме функции тайной полиции, и объясняется заинтересованность нового президента в иностранных войсках, выступающих сейчас главным гарантом мира и стабильности в республике.

Оказавшись в сложной финансовой ситуации, усугубившейся кражей 11 млн долл. США из опустевшей государственной казны сбежавшим экс-президентом, Барроу анонсировал возвращение страны в состав Содружества (до 1946 г. Британское Содружество наций), а также отмену прочих скандальных антизападных инициатив Джамме. Он надеется, что Лондон и Брюссель в ответ могут оказать помощь становящейся африканской демократии, однако рассчитывать исключительно на готовность Великобритании финансировать строительство «новой Гамбии» тоже не стоит, учитывая ее собственные домашние проблемы, связанные с грядущим выходом из Евросоюза. Надо сказать, что еще задолго до прихода к власти Джамме многие британские политики воспринимали Гамбию как излишнюю обузу, стремясь разделить с Сенегалом по крайней мере часть расходов на ее экономическое развитие. Не исключено, что подобный подход возобладает и на этот раз, и восстановление утраченного Гамбией в 1994 г. статуса витрины африканского либерализма будет осуществляться общими усилиями Великобритании, Евросоюза, а также Сенегала. Так или иначе, в настоящее время у Барроу объективно нет альтернативы возвращению Гамбии в орбиту британского и европейского влияния.

Позиция России в связи с кризисом в Гамбии была близкой к позиции Африканского Союза. Россия поддержала резолюцию 2337 Совета Безопасности ООН по положению в Гамбии. При этом наша принципиальная позиция заключалась в приоритете, прежде всего, политических средств разблокирования постэлекторального кризиса в этой стране. В Москве рассчитывают на скорейшее возвращение жизни в Гамбии в нормальное русло.

Александр Панов
М.н.с. Центра истории и культурной антропологии
Института Африки РАН